ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ VIII ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ товарища СТАЛИНА И. В. О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА СС

СССР могучий оплот всеобщего мира

Речь народного комиссара по иностранным делам тов. М. М. Литвинова

Товарищи, делегаты С'езда!

Позвольте, раньше всего, предупредить вас, что я выступаю здесь сегодня не с обзором международного положения, ибо такового пункта в порядке дня С'езда не имеется **(смех, одобрения)**, а по докладу о проекте Конституции. Товарищ Сталин отметил интерес, которого заслуживает заграничное общественное мнение о проекте Конституции, и я, как человек, сидящий у окошка, выходящего заграницу **(смех)**, хочу поделиться с вами некоторыми мыслями на эту тему.

Товарищ Сталин дал блестящий и остроумнейший анализ заграничной критики проекта Конституции. Надо, однако, признать, что проект Конституции был встречен заграницей не только критикой, не только сомнениями и скептицизмом, но и поощрительными и хвалебными отзывами. В некоторых кругах заграничного общественного мнения проявилась склонность покровительственно похлопывать нас по плечу, как вернувшегося в свою семью раскаявшегося блудного сына. Вернулся, де, Советский Союз к европейскому демократизму, к буржуазным свободам. В этот вопрос я хочу внести некоторые уточнения.

Фашизм—могильщик демократизма и свободы

Насчет сущности демократизма и буржуазных свобод мы, марксисты, всегда были особого мнения. Это мнение выразил товарищ Сталин, когда он в своем докладе сравнивал свободы, предоставляемые советской Конституцией, с одноименными, но отнюдь не равнозначащими буржуазными свободами. Но беря даже эти свободы в их условном, ограниченном значении, в котором они в конце XVIII и в течение XIX века играли несомненно крупнейшую прогрессивную роль и ими по праву гордилась буржуазия со времени французской революции, мы, кажется, теперь можем говорить о них, как о чем-то отходящем в прошлое.

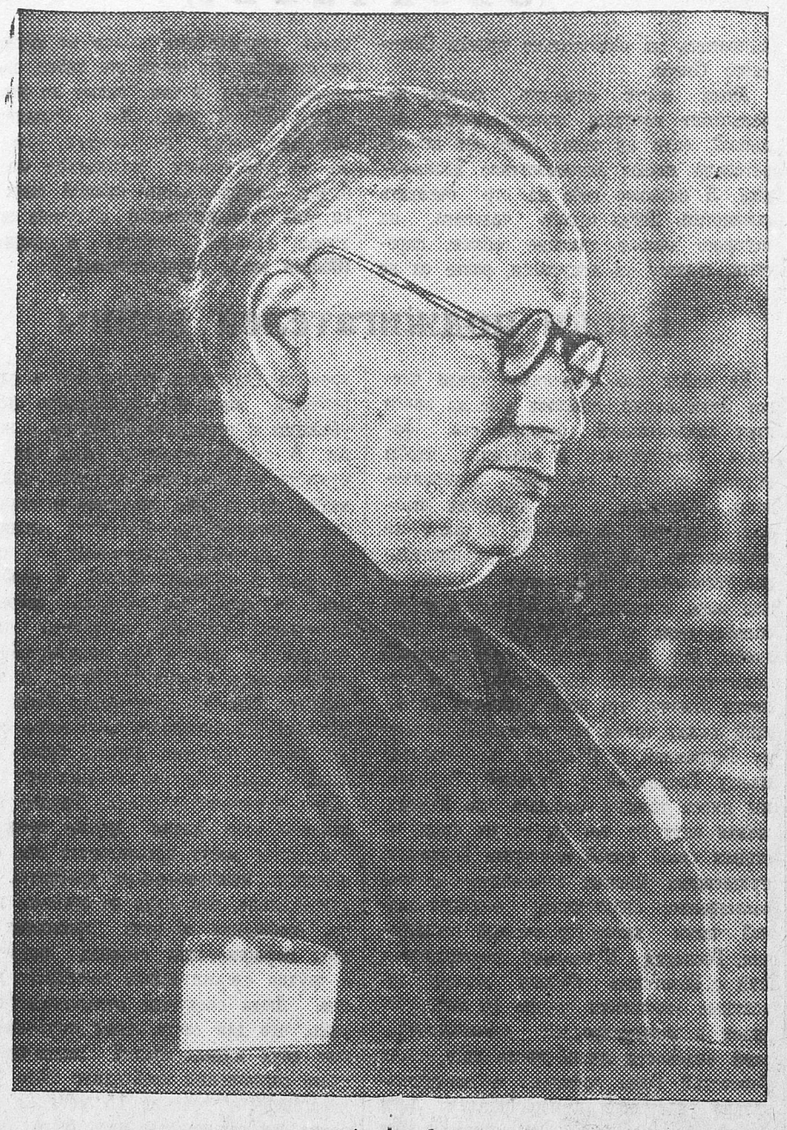
В самом деле, из 26 европейских буржуазных стран так называемый демократизм и буржуазные свободы сохранились едва ли больше, чем в 10 странах. Остальные 16 стран, т. е. две трети буржуазной Европы, имеют режим фашистской или полуфашистской диктатуры. Иной раз разница между фашистскими и полуфашистскими странами не качественная, а количественная. Это скорее разница оттенков или даже лишь внешних признаков. Одни страны открыто об'являют себя фашистскими, другие же, подражая во всем своем политическом и социальном устройстве фашистским странам, по соображениям внутренней, а иногда и внешней политики, предпочитают избегать фашистского названия.

Как выглядят демократизм и свободы в фашистских странах, рассказывать не приходится. Фашизм сам хвастает тем, что он является отрицанием демократизма и всяческих свобод. Ибо что представляет собой фашизм? Я хотел бы дать ему не философское, или научное, а житейское, общепонятное и в то же время верное определение. Мы с вами знаем, товарищи, какие противоречия раз'едают буржуазное общество. Эти противоречия не только не устранимы, но они неизбежно растут и множатся. Они особенно обострились в результате мировой войны и получили яркое выражение в экономическом кризисе, начавшемся в 1929 году. В некоторых странах ни одной из буржуазных партий, сменявшихся у власти, не удавалось справиться с этим кризисом. На этой почве росло недовольство граждан. И вот является на политической сцене или «посылается провидением» гениальный человек, который берется вывести государство из затруднительного положения, не посягая на его устои. В ход им пускается средство столь же «гениальное», сколь и простое. Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных **(общий смех)**: достаточно запретить гражданам выражать недовольство, лишить их всех средств выражения мыслей, желаний и требований, лишить их газет, собраний, союзов, партий, а для упорствующих и особо провинившихся в прошлом выстроить и приспособить определенное количество тюрем и концентрационных лагерей, и также виселиц и плах, а часть населения, вследствие ненадлежащего ее происхождения, об'явить вне закона и отдать на поток и разграбление другой части населения. Это и называется фашизмом. **(Смех, аплодисменты)**. Где же тут место демократизму и свободам.

Но вы может быть скажете, что этот метод обуздания граждан не может претендовать на оригинальность, а те из вас, кто читал писателя Глеба Успенского, пожалуй, вспомнят, что метод этот вполне укладывается в классическое правило будочника Мымрецова «тащить и не пущать». **(Смех, аплодисменты)**. Кое-кто из вас, пожалуй, скажет, что прототипом фашистской партии надо считать хорошо знакомый нашему старшему поколению «Союз русского народа» или «Союз Михаила Архангела». **(Смех, аплодисменты)**. Я с вами, товарищи, спорить не буду. **(Аплодисменты)**. Я хотел лишь дать вам представление о состоянии свобод в образцовом фашистском государстве, к которому более или менее приближаются фашистские или полуфашистские страны.

Особенностью некоторых таких полуфашистских стран надо считать господствующее влияние военщины, дающей приказания официальному правительству, угрожающей ему террором, а иногда и террор осуществляющей и являющейся фактическим хозяином государства. Из слуги государства, каковой как будто должна быть армия в демократическом государстве, она фактически превращается в его повелителя.

Как мною уже было сказано, в Европе все же осталось стран 10, которые сохранили еще чистоту демократических риз. Сохранили?—да, но надолго ли сохранят, вот в чем вопрос. Во всяком случае, в этих странах, под влиянием и благодаря щедро оплаченной агитации фашистских стран, нарождаются и крепнут элементы, открыто проповедующие уничтожение остатков демократизма и демократических свобод. В большинстве этих стран практически уже ставится вопрос о запрещении той или иной партии, при чем такими партиями обыкновенно оказываются, конечно, партии рабочего класса и крестьянства, партии недовольных. Искусственное подавление недовольных и лишение их возможности об'единения, как мы видели, и есть начало фашизма. Бывает, что правительство, опирающееся на огромное большинство населения и на большинство в парламенте, буквально терроризуется и вынуждается прислушиваться преимущественно к голосу меньшинства, если только последнее имеет в своем распоряжении достаточное количество бойких и горланистых органов печати. Голос таких газет выдают за общественное мнение страны, а насколько это соответствует действительности, мы недавно видели на примере выборов в Соединенных Штатах Америки. 90 проц. печати



этой страны выступали против президента Рузвельта. Можно было думать, если считать газеты выразителем общественного мнения, что вся страна против г. Рузвельта. Тем не менее, г. Рузвельт одержал на выборах блестящую победу, получив подавляющее большинство голосов. Совершенно ясно, что общий голос прессы, претендующей быть выразителем общественного мнения страны, представляет иногда ничтожное меньшинство, а то лишь несколько газетных магнатов или несколько промышленных трестов, финансирующих эти газеты. Тем не менее, подобные газеты зачастую оказывают огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, парализуют действия демократического правительства. Крупным фактором, давящим на политику даже в демократических странах, иногда является и верхушка военщины. Вряд ли такое положение действительно отвечает понятию демократии. Если же в такой стране находятся честные радикальные элементы, которые вместе с рабочими и крестьянами пытаются отстоять демократический строй и свободы, то они подвергаются ожесточенной атаке со стороны собственных фашистских элементов, а то и насильственно опрокидываются своей военщиной, которой приходят на помощь фашистские и полуфашистские страны. Блестящий пример этому мы видим в Испании, имевшей правительство, вышедшее из всеобщих выборов, произведенных по всем правилам буржуазного демократизма. Но так как это правительство провозгласило программу охраны демократизма, охраны свобод, охраны парламентаризма, то против него восстала кучка генералов и офицеров, поддержанная иностранными фашистскими правительствами, и пытается его опрокинуть под лозунгом фашизма. Но всего характернее то, что эта открытая организованная борьба встречает сочувственное отношение и даже существенную поддержку со стороны демократических государств.

Безопасность западноевропейских стран под угрозой

Вот, товарищи, какова судьба демократизма и буржуазных свобод ныне в Европе и вот почему мы не можем чувствовать себя особенно польщенными, когда нам говорят в связи с проектом Конституции, что мы возвращаемся в лоно европейского демократизма, к буржуазным свободам. Правильнее будет сказать, что мы берем выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма, знамя свобод и наполняем эти понятия новым, богатым, советским содержанием. **(Аплодисменты)**.

Становясь оплотом демократизма и свободы, Советский Союз не призывает, однако, к созданию международного блока для борьбы с фашизмом, отрицающим демократию и свободу. До внутреннего фашистского режима тех или иных стран нам, как государству, дела нет. Наше сотрудничество с другими странами, наше участие в Лиге наций основаны на принципе мирного сосуществования двух систем—социалистической и капиталистической, при чем мы считаем, что в последнюю укладывается и фашистский строй. Но фашизм теперь перестает быть внутренним делом исповедующих его стран. Было время, когда родоначальник фашизма, г-н Муссолини, заявлял, что фашизм не есть предмет экспорта. Надо отдать справедливость г-ну Муссолини, что он в течение многих лет был верен этому заявлению, и борьба за распространение фашизма за пределы Италии не составляла элемента его внешней политики, но это длилось лишь до тех пор, пока фашизм г-на Муссолини не прошел в Берлине курса усовершенствования или, как у нас говорят, переквалификации **(смех, аплодисменты)**, и не оплодотворился теориями германского так называемого национал-социализма. В отличие от итальянского фашизма, германский национал-социализм, как только он обосновался внутри своей страны, перенес свою деятельность и за ее пределы. Документально установлено, что деятельность национал-социалистской партии, которая имеет свою широко разветвленную агентуру почти во всех странах, не сводится в этих странах, как нас в этом хотят уверить официальные представители фашизма, к социальному и культурному обслуживанию членов этих агентур. Установлено, что эти агентуры ведут широкую фашистскую агитацию среди граждан стран своего пребывания, активно вмешиваются во внутреннюю политику этих стран, натравливают одни партии против других, создают и финансируют органы печати, не брезгуют разведывательной деятельностью и не останавливаются даже перед террористической, отнюдь не считаясь с законами стран, дающих им гостеприимство. Подобная агентура недавно раскрыта и в нашем Советском Союзе. Нас, однако, ни в малейшей мере не пугает и эта заграничная деятельность фашизма. Она представляет действит[illegible]ную и [illegible] угрозу для других [illegible] существования, но [illegible] справимся с ней[illegible] рии **(аплодис[illegible]** ми и мы не[illegible] с нею инос[illegible] для этого [illegible] лашения[illegible]

Война мятежных [illegible] и интервентов пр[illegible] республиканской И[illegible]

Более серьезной представляется заграничная деятельность фашизма, когда она принимает такие формы, как, например, в Испании. В настоящее время не подлежит никакому сомнению, что после разгрома правых партий на демократических выборах в Испании, выявивших доверие и преданность народа испанскому правительству, вышедшему из этих выборов, мятежные генералы не посмели бы поднять бунт против этого правительства, если бы им заранее не была обещана поддержка германского или итальянского фашизма, а то и обоих вместе. И эта поддержка была не только обещана, но и оказана. Призыв генералов к бунту не нашел отклика среди солдат и матросов испанской армии, и генералы вынуждены были прибегнуть к помощи марокканцев и иностранного легиона, т. е. легиона, который вербуется из международных авантюристических и уголовных элементов. С этими силами генерал Франко выступил против испанского народа, с ними он наступает на столицу Испании. Но и эти силы, расположенные в Марокко, не могли бы быть перевезены в Испанию, если бы в распоряжение Франко не были предоставлены германские и итальянские самолеты и военные кораб[illegible]ли. Заметьте, [illegible] в то время е[illegible] тические отно[illegible] вительством, [illegible] внутреннюю [illegible] вопиющим н[illegible] элементарней[illegible] зательств. [illegible] рующийся [illegible] расы, повиди[illegible] кой совестлив[illegible] ходится вести в[illegible] испанского народа [illegible] **(аплодисменты, смех, о[illegible]** Германия и Италия без [illegible] ний заявляют, что они [illegible] генерала Франко потому, [illegible] хотят иметь в Испании де[illegible] го правительства, правитель[illegible] фронта и что они хотят вид[illegible] щанное им генералом [illegible]анко [illegible] тельство, основанное на фашистск[illegible] чалах. Само собой разумеется, что [illegible] мании и Италии отнюдь не нужен [illegible] Испании фашизм ради фашизма, [illegible] утверждение какой-нибудь идеологической доктрины. Фашизм является в данном случае средством для достижения совершенно других, отнюдь не идеологических целей.

Фарс „невмешательства“

По инициативе Франции и Англии, по мотивам предотвращения возможных международных осложнений, угрожающих миру, было подписано международное соглашение о невмешательстве в испанские дела поставкой правительству или мятежникам каких бы то ни было военных материалов. Это предложение, несомненно, шло вразрез с обычными представлениями о международных отношениях, допускающих поставку любого оружия одним правительством другому признанному им правительству и запрещающих такие поставки мятежникам в какой-либо стране, с которой поддерживаются дипломатические отношения. Тем не менее, учтя официальные мотивы, которыми было обосновано это предложение, советское правительство присоединилось к нему. Оно полагало к тому же, что, по существу, это соглашение, будучи всеми лойяльно соблюдаемо, не нанесет ущерба испанскому правительству, ибо, предоставленный самому себе, генерал Франко не имел бы никаких шансов предотвратить подавление мятежа. Повторяю, что само собой понятной предпосылкой нашего присоединения к соглашению было лойяльное выполнение его всеми его участниками. Германия и Италия, а также фашистская Португалия долго задерживали свой ответ на предложение о присоединении к соглашению о невмешательстве, под разными предлогами затягивали переговоры на эту тему и использовали выигранное таким образом время для ускоренного обильного снабжения генерала Франко авиацией, танками, артиллерией и другими предметами вооружения. Это необходимо было им для того, чтобы в дальнейшем, в случае обнаружения в Испании вооружения германских и итальянских марок, можно было оправдаться тем, что оно попало в Испанию до подписания соглашения. Но вот соглашение подписано и фашистскими странами. Недели шли за неделями, и СССР, Франция и Англия и другие государства лойяльно и скрупулезно выполняли свои обязательства в то время, как Германия и Италия, со свойственным им пренебрежением к международным обязательствам, тайно, использовывая для этого преимущественно португальский плацдарм, продолжали снабжать генерала Франко всеми видами военного и морского вооружения. Это снабжение стало притчей во языцех. Об этом писали корреспонденты иностранных газет всех политических направлений, не исключая самых правых. Об этом рассказывали многочисленные очевидцы и свидетели. Это несомненно было известно и находившимся в соответственных портах иностранным консулам, донесения которых, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Наконец, испанское правительство формально заявило в Лиге наций и в нотах на имя отдельных государств о военных поставках генера[illegible] Франко, вдвойне незаконных: во-первых, с точки зрения обычного права и, во-вторых, в силу состоявшегося международного соглашения. Советское правительство тогда обратилось к Лондонскому Комитету послов, который, как каз[illegible]лось нам, был создан для обеспечени[illegible] соблюдения всеми участниками соглаше[illegible]ния принятых ими на себя обязательств и расследования случаев их нарушения. Мы, однако, ошиблись. Лондонский Комитет понял слово невмешательство [illegible] том смысле, что он сам не должен вмешиваться в дело вмешательства в ис[illegible]панские события. **(Смех)**. Лондонский Комитет понял свою задачу в том смысле, что он должен следить лишь за [illegible] чтобы государства, принявшие на [illegible] определенные обязательства по согл[illegible]нию о невмешательстве, сами не пр[illegible]навались в их нарушении, и что, пока сни какую бы то ни было вину за собой отрицают, их об'яснения признаются удовлетворительными и на этом кончаются функции Комитета. **(Смех)**. Такое решение Комитета заранее санкционировало всякие нарушения обязательств и в дальнейшем со стороны фашистских государств. Советскому правительству не оставалось ничего больше сделать, как лойяльно заявить Лондонскому Комитету, хотя оно отнюдь не обязано было это сделать, что оно не считает себя морально более связанным соглашением, [illegible] остальные его участники.

Результатом германских и итальянских военных поставок было то, что генералу Франко с его марокканскими войсками удалось занять важнейшие стратегические пункты и подойти вплотную к Мадриду. Результатом является то, что в течение нескольких недель денно и нощно на прекрасную столицу испанского народа обрушиваются сотни и тысячи килограммов взрывчатых и зажигательных бомб и артиллерийских снарядов, убиваются и калечатся сотни и тысячи мирных граждан, женщин и детей и разрушаются величайшие памятники зодчества, живописи и скульптуры, памятники старины, составляющ[illegible] сокровищницу всего человечества. И эти разрушения производятся с германских и итальянских самолетов, руками германских и итальянских пилотов. **(Голос из зала: «Позор»)**. Эта разрушительная, геростратова работа первого об'единенного германо-итальянского фашистского международного активного сотрудничества останется навсегда позорнейшей страницей истории международных отношений, истории Европы. **(Голоса с мест: «Правильно», аплодисменты)**. Я уверен, товарищи, что выражу чувство всего С'езда, если скажу, что в этот момент, когда мы говорим об Испании, наши мысли, наши чувства, полные горячей

(Окончание речи тов. Литвинова—на 4-й странице).

Окончание речи тов. В. М. Молотова о новой Конституции

Нам понятны злоба и беспринципность этих на все готовых буржуазных перерожденцев, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Известно, что у них есть подпевалы и пособники также из правых отщепенцев.

Что же? Мы знаем, как поступать с отбросами революции.

Очевидно, надо усилить борьбу с беспечностью и покладистостью некоторых руководителей в нашем государственном аппарате. Надо поднять революционную бдительность в рядах трудящихся. Надо не на словах, а на деле помнить о классовом враге и поднимать коммунистическую сознательность в массах. Расчистить путь от вратов—значит развязать силы масс в борьбе за полную победу коммунизма. **(Аплодисменты)**.

Что бы ни предпринимали наши классовые враги здесь и за пределами Советского Союза, наши силы быстро растут.

Поднимаются вверх миллионы людей, овладевающих техникой своего дела, всем своим производством, настоящей новой культурой. Ни подрывной работой тайных лазутчиков и двурушников, ни снарядами из тяжелых орудий этих многомиллионных рядов не расшибешь и не расстроишь. **(Бурные аплодисменты)**.

С небывалой быстротой поднимаются кверху новые герои труда, вооруженные высокой техникой ударники социалистической стройки, наши славные стахановцы и стахановки. **(Аплодисменты)**. Все новые имена рабочих и работниц, колхозников и колхозниц, людей культуры, техники, науки и искусства становятся известными всей нашей стране, и каждое такое имя служит сигналом к появлению новых и новых.

В героях воздуха, моря и Арктики, в героях борьбы со стихиями, ряды которых растут на наших глазах, мы видим прообраз героев борьбы против любого врага СССР. **(Бурные аплодисменты)**.

Мы должны быть по-настоящему вооружены всем, чем полагается, чтобы враг знал, что с нами шутки плохи.

В славный арсенал нашего вооружения теперь войдет и «сталинская Конституция» социализма. **(Аплодисменты)**.

Под знаменем марксизма-ленинизма, под знаменем партии Ленина—Сталина, под знаменем сталинской Конституции—вперед, к коммунизму! **(Бурные аплодисменты, шумные овации, крики «ура», приветственные возгласы по адресу тов. Молотова, возгласы: «Да здравствует сталинская Конституция!», «Ура!»)**.